ЕН242
И541

С. МИЛЕЙКОВСКИЙ

ОН БЫЛ – САМА РЕВОЛЮЦИЯ

[Ф. ДЗЕРЖИНСКИЙ]

ИЗД-ВО ПОЛИТКАТОРЖАН
МОСКВА 1931

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ВСЕСОЮЗНОГО
ОБЩЕСТВА
ПОЛИТКАТОРЖАН
И
ССЫЛЬНО-
ПОСЕЛЕНЦЕВ

Издательство просит всех читателей сообщить свое мнение, указав достоинства и недостатки настоящей книжки по адресу: Москва, — ГСП — 10, Лопухинский пер., д. 5.

ДЕШЕВАЯ ИСТОРИКО-РЕВОЛЮЦИОННАЯ БИБЛИОТЕКА

1931 № 48—49

EH242
M541

С. МИЛЕЙКОВСКИЙ

ОН БЫЛ— САМА РЕВОЛЮЦИЯ

(ФЕЛИКС ДЗЕРЖИНСКИЙ)

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВСЕСОЮЗНОГО ОБЩЕСТВА
ПОЛИТКАТОРЖАН и СС.-ПОСЕЛЕНЦЕВ
19 Москва 31

К

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2009

-EH2A2p
M5A1P

БИБЛИОТЕКА
при ЦК КПСС

865373

БИБЛИОТЕКА ИНСТИТУТА ЛЕНИНА

сф
6937

Уполномочен. Главлита № В—5597. Зак. 786 Тир. 25.000.

Тип. Профиздата. Москва, Крутицкий Вал, 18.

Недоумение буржуазной газеты.

Немецкая буржуазная газета «Фоссише Цейтунг» посвятила смерти Феликса Дзержинского статью.

Газета писала:

«В настоящее время еще невозможно составить себе ясное представление об этом судье и пионере нового строительства в советском государстве. Если в наши дни советская власть столь прочна, что представляется совершенно безнадежным рассчитывать на насильственное потрясение ее основ, то это в первую очередь создано гением Дзержинского.

Если человеку что-либо невыгодно понять, он этого и не понимает.

Во всяком случае, всем своим существом он стремится не понять того, что несет ему неотвратимый приговор.

То же и с классами. Буржуазия не хочет понять того, что представлял собой грозный

Феликс Дзержинский, потому что понять Дзержинского — значит понять революцию, значит открыть себе глаза на то неизбежное, что несет буржуазии социалистическая революция, значит уяснить себе обреченность капиталистического мира. Это — свыше сил гибнущего класса, и поэтому-то буржуазная газета и говорит, что «в настоящее время еще невозможно составить себе ясное представление об этом судье и пионере нового строительства».

Буржуазная газета предлагает потомкам разобраться в этой непонятной и противоречивой фигуре пролетарской революции.

Нам, являющимся могильщиками капитализма, создающим жизнь на новых основах,— Дзержинский близок и понятен.

Фигура этого исключительного человека-коммуниста, исключительного революционера будет жить в столетиях. Такие единицы, как Феликс Дзержинский, выталкиваются на историческую поверхность целыми эпохами.

Большой человеческий документ

49 лет прожил Феликс Эдмундович Дзержинский и из них 11 лет, почти четверть своей жизни, он провел в царских тюрьмах. В последний день 1908 года, 31 декабря, в стенах

Варшавской цитадели (крепости) он занес в свой дневник слова, написанные кровью человеческого сердца и гордым сознанием большевика:

«В тюрьме созрел я, в муках, одиночестве, тоске по жизни и миру. Однако никогда не зарождалось у меня сомнения относительно дела. И теперь, когда, быть может, на долгие годы схоронены в ручьях крови все мои надежды, когда пригвождены они к столбам виселицы, когда многие тысячи борцов за свободу загнаны в темницы и заброшены в в снежные тундры Сибири, и теперь я попрежнему горд. Я вижу те огромные массы, которые уже сдвинулись с места, расшатали старое, вижу растущие новые силы для новых боев. Я горд тем, что я с ними, что я вижу, чувствую, понимаю, что я вместе с ними выстрадал очень много.

Здесь, в тюрьме, бывает тяжело. Иной раз — страшно. Однако... если бы мне пришлось сызнова начать жизнь, я ее начал бы таким же образом. И не из чувства обязанности или долга. Нет. *Такая жизнь для меня — органическая необходимость.* Благодаря тюрьме, дело стало для меня чем-то ощутимым, реальным, как ребенок для матери, как ребенок, который меня никогда не может предать и поэтому всегда доставляет радость.

Тюрьма отняла у меня много, очень много, не только реальные условия жизни, без кото-

рых человек становится несчастнейшим из несчастных, но и самую способность пользоваться этими условиями, лишила меня уменья плодотворно проводить умственную работу. Столько лет тюрьмы, чаще всего в одиночках, не могли пройти безнаказанно. Но когда в моем сознании, в сердце моем, я сопоставляю то, что отняла у меня тюрьма, с тем, что она мне дала, — я не в состоянии ответить, что перевешивает. Я знаю лишь то, что не проклинаю судьбы и многих лет, проведенных в тюрьме.

Вне тюремных стен существует другая тюрьма, огромная. И она будет разрушена именно силой тех лет, какие мы проводим в тюрьмах. Это — не игра мысли, не рассудочность. Это — результат неудержимой жажды свободы и полноты жизни, результат тоски по красоте и справедливости. На воле теперь товарищи и друзья пьют за наше здоровье. И я здесь, в одиночке, думаю о них: да здравствуют и куют оружие и будут достойны своего дела!..».

Великий человеческий документ. У каждого революционера, погребенного в мертвящих стенах тюрьмы, бывают моменты упадка, сомнений. Бывают моменты отчаяния. Революционер — также человек. Трудно бывает в такие минуты силой сознания, силой идеи подавить естественную, животную тягу к воздуху, к свету и жизни. Не всякому

это удается, и тем, кому это удается, не легко достается победа.

Но эти слова большевика Дзержинского знаменуют такое торжество сознания, идеи, на какое человек не кажется способным. Это — мысль, ставшая чувством. Он и заявляет, что такая жизнь для него — органическая необходимость. И если-б ему пришлось снова начать жизнь, он ее начал бы таким же образом.

Это было написано не в минуту возгорания надежд, когда обычно силы возвращаются. Нет: «теперь, когда, быть может, на долгие годы схоронены в ручьях крови все мои надежды, когда пригвождены они к столбам виселицы... теперь я попрежнему горд».

В этой же записи в день нового года, встречаемого в тюрьме, вслед за здравицей борющимся на воле товарищам, мы читаем:

«Сегодня меня уведомили, что другое мое дело будет слушаться 28 января 1909 года, то-есть через четыре недели. Теперь уже не миновать каторги, и тогда придется здесь сидеть 4—6 лет. Брр!..»

За верой следуют дела

Такой человек не мог войти в революцию «случайно». Не мог он «случайно» стать большевиком, выдвинуться в первые фигуры революции. Если мы поближе присмотримся к суровой жизни и непрестанной борьбе

Феликса Дзержинского, к его цельной, исключительно четкой фигуре, к его железному характеру, не знавшему компромиссов, — мы скажем: «другим он быть не мог».

Родиной его была Литва, входившая тогда в Российскую империю. Дзержинский родился в семье небогатого польского шляхтича, в имении Дзержиново, Ошмянского уезда. В этом же уезде, между прочим, родился и Иосиф Пилсудский, политический авантюрист, ставший потом главой польского фашизма и душителем польского пролетариата.

Свои молодые годы Дзержинский провел в Вильно, где он учился в гимназии.

Много лет спустя, после своего посещения в 1922 году Москвы, французский политический деятель Эрио писал:

«Пилсудский говорил мне, что Дзержинский в Вильно, где он знал его учеником, выделялся своей нежностью и скромностью. Действительно, высокий и худой, производит он впечатление аскета с лицом иконы... Жестокий или нет — вопрос этот выяснит история, — человек такой не может врать»...

Все знавшие или видевшие Феликса Эдмундовича неизменно отмечают соответствие его внешнего облика качествам его характера. Высокий, стройный, прямой, порывистый, скромный, деликатный — эти слова слетают с уст каждого, знавшего его.

В 1920 году в Москву приехала английская скульпторша Шеридан, особа весьма далекая от политики. Ей пришлось лепить грозного председателя ВЧК, и вот что она о нем пишет:

«Сегодня пришел Дзержинский. Он позировал спокойно и очень молчаливо. Его глаза выглядели несомненно, как омытые слезами вечной скорби, но рот его улыбался кротко и мило. Его лицо узко, с высокими скулами и впадинами. Из всех его черт нос как-будто характернее всего. Он очень тонок, и нежные бескровные ноздри выражают сверх-утонченность. Во время работы и наблюдения за ним в продолжение полутора часов он произвел на меня странное впечатление. Наконец, его молчание стало тягостным, и я воскликнула: «У вас ангельское терпение, вы сидите так тихо!». Он ответил: «Человек учится терпению и спокойствию в тюрьме». На мой вопрос, сколько времени он провел в тюрьме, он ответил: «Четверть моей жизни, одиннадцать лет». Революция освободила его. Несомненно, что не абстрактное желание власти [1], не политическая карьера, а фанатическое убеждение в том, что зло должно быть уничтожено во благо человечества и народов, сделало из подобных людей революционеров».

---

[1]) То-есть желание власти ради власти.

Когда мы знакомимся с попытками представителей буржуазного мира оценить личность Феликса Дзержинского, мы неизменно наталкиваемся на такие слова, как «аскет», «фанатик». Аскет — это человек, отрешающийся от всяких земных удовольствий, умерщвляющий свою плоть, подвижник, постник. Фанатик — лицо такого же порядка. Это изувер, доводящий свою веру до болезненного извращения, до суеверия, до нетерпимости ко всему, что с ней не сходится. Все эти определения даются буржуазными писателями Дзержинскому потому, что буржуазии приятней было бы видеть в жизни и поступках Дзержинского нечто ненормальное, не свойственное человеку.

Но мы дальше увидим, как неверны и нарочиты эти определения. Дзержинский по-человечески сильно и глубоко любил жизнь и все живое. И только сознание, что гнусная капиталистическая система лишает радостей жизни подавляющую массу человечества, заставило Феликса Дзержинского принести все радости своей личной жизни в жертву борьбе. В этой борьбе он проявил исключительную, необычайной силы волю.

Мы не знаем его детских лет. Он не торопился воздвигнуть себе при жизни памятник, как это делают другие, считая, что центральное место во внимании потомков займет...

«моя жизнь». Самолюбование или даже внимание к своей персоне — как это неприменимо к Дзержинскому!

В своей кратенькой, сухонькой автобиографии, занимающей три маленьких странички, он как бы досадливо отмахивается от неизбежных биографических данных. Первая строчка автобиографии гласит:

«Родился в 1877 году. Учился в гимназии в Вильно».

И уже, со 2-й строки приступает к делу: «В 1894 году, будучи в 7 классе гимназии, вхожу в с.-д. кружок саморазвития. В 1895 году вступаю в Литовскую социал-демократию, учусь сам марксизму и веду кружки ремесленных и фабричных учеников. Там меня в 1895 году и окрестили Яцеком».

И тут же дает сжатое об'яснение, которое лучше всяких биографий и лирических воспоминаний поясняет, почему польский шляхтич, гимназист виленской гимназии Феликс Дзержинский, всего себя, целиком, без остатка отдает революции:

«Из гимназии выхожу сам, добровольно, в 1896 году, считая, что за верой должны следовать дела и надо быть ближе к массе и самому с ней учиться».

В этих словах — весь Дзержинский. «За верой должны следовать дела». И с этого момента вся жизнь Феликса Дзержинского становится сплошным революционным делом.

Польская интеллигентская молодежь того времени выступала против российского империализма, за независимость Польши и Литвы. Но это было недовольство националистическое, в значительной мере шовинистическое, подогреваемое воспоминаниями о 1863 годе, когда, в ответ на польское восстание, российское самодержавие казнило и ссылало на каторгу его участников, в том числе и многих дворян Литвы.

В такой обстановке нелегко было отрешиться от националистического угара и нашупать почву пролетарской, классовой борьбы. Дзержинский эту почву нащупал. Это было тем более трудно, что Литва не имела крупного производства, а следовательно и значительного фабричного пролетариата. Будучи еще гимназистом, Дзержинский начал свою работу среди наиболее угнетенной части населения литовских городов — среди польских и еврейских ремесленных подмастерьев.

И здесь уже, в самом начале своей революционной жизни, Дзержинский проявил те качества, которые сделали из него негнущегося большевика, железного революционного вожака и выдающегося работника советской страны. Для революционной работы Феликс не знал препятствий. Все свои таланты и способности он отдавал этой работе, о чем красноречиво говорит следующая подробность.

«Мы смеялись позже, — вспоминает Карл Радек, — что в правлении польской социал-демократии, в которой был целый ряд евреев, читать по-еврейски умел только один Дзержинский, бывший польский дворянин и католик».

Дзержинский не мыслил себе революционной работы вне масс, и он всеми силами стремился проникнуть в рабочие низы. Его не удовлетворяли кружки, ему хотелось непосредственного соприкосновения с рабочей массой. Но проникнуть в массы тогда было нелегко интеллигенту. «В то время,— сообщает Дзержинский,— у нас в организации шла борьба между интеллигенцией и рабочими верхушками, которые требовали, чтобы их учили грамоте, общим знаниям и так далее, а не совались бы не в свое дело, в массы. Несмотря на это, мне удалось стать агитатором и проникать в совершенно нетронутые массы — на вечеринки, в кабаки, туда, где собирались рабочие».

Он себя зарекомендовал как массовик. Вскоре партия посылает его в Ковно, наиболее промышленный город в Литве. Здесь ему пришлось создавать социал-демократическую организацию, и здесь же он вошел в гущу фабричных рабочих, познакомился с невероятной нищетой и эксплоатацией. «Тогда,— пишет он,— я на практике научился организовывать стачку».

Феликс Дзержинский не был похож на тех интеллигентов из «кающихся дворян», которые спускались в массу для того, чтобы «выполнить свой долг перед народом». Он никогда не превозносил рабочей массы, не «идеализировал» ее во что бы то ни стало. Он вошел в эту массу, сам стал ею. После гимназии ему приходилось работать переплетчиком, набойщиком на махорочной фабрике, при чем, отдавая часть своего заработка в партийную кассу, он частенько голодал. И он отлично знал все достоинства рабочего, борца за новую культуру, и все недостатки его — продукта бесчеловечной капиталистической системы.

Первый арест Дзержинского произошел по доносу рабочего-подростка, которому жандармы пообещали 10 рублей.

Дзержинский отчетливо понимал, что разрушить капиталистический строй, эту тюрьму человечества, может только рабочий класс. В душе же Дзержинского горела ярая ненависть к этому миру несправедливости, горела жажда радостной и разумной жизни. Позже в своем дневнике он писал, говоря об одной заключенной молодой работнице:

«А разве это ее вина, что ее, еще ребенка, заставили заниматься политикой, а после заперли в тюрьме, в то время как ей следовало бы еще находиться на попечении матери и чуть ли не играть в куклы? Впрочем, быть

может, у нее уже нет матери, и она уже вынуждена бороться за кусок хлеба... Она — работница... Этот ужасный строй заставил ее уже проникнуться ненавистью и принять участие в революции. А теперь ей мстят за это. Разве это не печально и не ужасно?

«А сколько таких, уже с детства обреченных на жалкую, нечеловеческую жизнь, людей, с искаженными чувствами, приговоренных к тому, чтобы даже во сне не испытать счастья и радости жизни! А ведь человек по натуре чувствует эту потребность счастья. Миллионы людей лишены этого счастья незначительной горстью людей, и в результате осталось только чувство ужаса, безумие или искание удовольствия в возбуждении алкоголем, в упоении властью мужчины над женщиной, в религиозном мистицизме. Если бы этого мрака не освещала звезда социализма, не стоило бы и жить»...

Если бы буржуазия хотела вдуматься в эти строки «палача» Дзержинского, она бы поняла, почему «страшный» председатель ВЧК беспощадно расправлялся с «незначительной горстью людей» во имя миллионов «лишенных счастья».

Тюрьма и борьба. Борьба и тюрьма

Первый арест повлек за собой ссылку в Вятскую губернию. Выслали Дзержинского на 3 года — сначала в Нолинск, затем «за

БИБЛИОТЕКА
при ЦК КПСС

строптивый характер» переводят в село Кайгород, на 500 километров севернее. Строптивость выразилась в том, что он спустил с лестницы полицейского, наблюдавшего за ним и позволившего себе грубость. Ссылку Дзержинский использует для саморазвития. В дальнейшем тюрьмы и ссылки явились для него той единственной школой, где революционер получает возможность углублять свои знания.

Из этой первой ссылки Дзержинский бежит в 1899 году. Он возвращается в Вильно. Несмотря на настояние товарищей, он не едет за границу, а пробирается в Варшаву, где завязывает связи с рабочими, восстанавливает в разных районах Варшавы партийные организации.

Дзержинский явился одним из инициаторов слияния социал-демократических партий Польши и Литвы в одну «социал-демократию Царства польского и Литвы».

К этому времени молодой Феликс уже является видным революционером и избирается в руководящие партийные органы.

В 1900 году (ему было тогда 22 года) Дзержинский снова арестован. Теперь он заключен в тюрьму и сидит почти 2 года, сначала в X павильоне Варшавской цитадели, потом в Седлецкой тюрьме. В конце 1901 года Дзержинского ссылают на 5 лет в Вилюйск, в Якутскую область, туда, где Чернышевский

провел в изгнании долгие годы. Но Вилюйск так и не увидел Дзержинского. По дороге из Верхоленска он бежит с другим ссыльным, Сладкопевцевым, и после долгих приключений добирается до Иркутска.

Вскоре Дзержинский уже за границей, где участвует в партийной конференции социал-демократии Польши и Литвы и является инициатором многих ее решений.

С этого времени Феликс Дзержинский становится признанным вождем социал-демократии Польши и Литвы. Теперь он уже известен в широких рабочих массах Варшавы, Лодзи, Домбровского угольного района — под именем Юзефа (Иосифа).

Дело идет к 1905 году. Дзержинский поселяется за границей, в Кракове, но все время переезжает границу, подвергаясь опасности получить пулю пограничной стражи. Он неустанно готовит революцию, организует, перестраивает ряды, готовит массы к грядущим боям, с организаторской способностью вождя соединяя личное бесстрашие, самообладание и находчивость. Дзержинский руководит первомайской демонстрацией 1905 года в Варшаве. Он проводит всеобщую забастовку варшавского пролетариата в знак протеста против первомайских расстрелов. В июле 1905 года его арестовывают вместе со всей варшавской конференцией, собравшейся в лесу.

Дзержинский попадает в уже знакомый ему десятый павильон Варшавской цитадели. Это было время, когда подкатывались волны революции 1905 года. В такие дни особенно невыносимо было борцу сидеть замурованным в крепости, насильственно уведенным с поля битвы. Через три месяца его освобождает октябрьская амнистия, вырванная у самодержавия революционным пролетариатом.

В революцию Дзержинский вступает сразу же, выйдя за тюремные стены. Он был освобожден вместе с другим польским революционером, Валецким.

Необходимо быстро войти в курс событий и в борьбу, а от крепости до города неблизко.

Мимо проезжает чья-то пролетка. В такие минуты с буржуазной частной собственностью церемониться не приходится. Пролетка немедленно реквизируется освобожденными революционерами, и Дзержинский с Валецким летят в город.

В городе — опьянение свободой. На улицах происходят непрерывные митинги. Казалось, самодержавию наступил конец.

Но Дзержинский тут же с фонаря произносит речь, отрезвляя от необоснованного упоения кажущейся свободой и призывая к решительной революционной борьбе. Царь обманет. Обманет буржуазия. Рабочие долж-

ны это знать и рассчитывать на собственные силы.

Всю ночь Дзержинский митингует на улицах в рабочих кварталах Варшавы.

В наступившие месяцы революционного напряжения и активности Дзержинский неустанно борется против авантюристской и националистической политики правых из ППС (Польской социалистической партии), стремится втянуть в движение как можно более широкие рабочие массы, направляет движение в русло солидарности с русским рабочим движением.

Когда генерал-губернатор Скалон решил отправить воинские части из Польши в Москву для усмирения московского восстания, социал-демократы, вместе с левыми элементами других социалистических партий, приложили все усилия для об'явления забастовки. Правая часть ППС, во главе которой стояли Дашинский, Пилсудский, Морачевский, ставшие впоследствии деятелями фашистской Польши, противодействовала об'явлению этой забастовки.

ППС пользовалась влиянием в Домбровском угольном районе. Дзержинский—в Домбровском районе.

Феликс Кон впоследствии описывает момент об'явления забастовки в Домброве:

«Дзержинский насильно, вместе с другими товарищами, проник на самый крупный за-

вод, созвал митинг и призывал к борьбе. Администрация дала знать в полицию. В завод ворвались солдаты. Прервав на полуслове речь и скрывшись в гуще рабочих, Дзержинский громко, на весь завод, крикнул: «Гудок!».

«Гудки тогда были сигналом к забастовке. Через несколько секунд раздался гулкий, протяжный гудок, призывавший горняцкую массу слиться в борьбе с дравшимся на баррикадах московским пролетариатом.

«Дело было сделано. Заводы замерли. Началась забастовка. Рассвирепевшая полиция бросилась на поиски Дзержинского.

«Когда-то, в начале деятельности Дзержинского, его предал темный, несознательный рабочий, — теперь вся домбровская рабочая масса приняла меры, чтобы спасти своего вождя. И несмотря на то, что полицейские ищейки рыскали повсюду, Дзержинский благополучно выбрался из Домброва».

В 1906 году Дзержинский участвует в об'единительном с'езде РС-ДРП в Стокгольме и входит в ЦК РС-ДРП представителем от Польши и Литвы. В конце 1906 года Феликс снова в знакомой Варшавской цитадели. В 1908 году за ним опять захлопываются двери наиболее постоянной его квартиры в Варшаве — X павильона Варшавской цитадели.

Это были годы реакции после революции 1905 года. Торжествовали плеть и виселица. Самодержавие мстило за пережитые в 1905 г.

дни предсмертного страха и призывало на искоренение революции все скорпионы царизма. Тюрьмы были переполнены революционерами. Волна революционного движения схлынула, и многим казалось, что революция раздавлена надолго. Попутчики революции, возомнившие себя в 1905 году вершителями революционных судеб, теперь переживали тоску разочарования, неверия, упадка духа.

Многие из интеллигенции стремились подальше уйти от революции в области всевозможного богоискательства, проблем пола и так далее. Даже основоположник русского марксизма, Плеханов заявил по поводу восстания 1905 года: «Не надо было браться за оружие». Царила политическая и духовная реакция.

В эти тяжелые дни надо было иметь железную волю, твердые нервы и неугасимую веру в силы пролетариата, чтобы не поддаться интеллигентскому хныканью, не дать себя запугать оголтелой царской опричине.

И здесь Дзержинский, твердо стоявший на ленинских позициях, показал, насколько далеки от него интеллигентские «переживания». К этому времени его заключения (в 1908 году) относятся те гордые строки его дневника, которые мы приводили вначале. Здесь-то, в X павильоне, Феликс подвел итоги своей не знавшей покоя жизни и заявил: «Та-

кая жизнь для меня — органическая необходимость».

Думы человека за решеткой

Мы очень мало знаем о таких великанах революции, как Феликс Дзержинский. В лучшем случае мы знаем узловые даты их биографии, связанные с крупными революционными событиями. Но ведь так важно знать, что думали эти люди в минуту одинокого раздумья, которые приходят ко всякому человеку, будь он табельщиком на фабрике, астрономом или полководцем революции.

Феликс Дзержинский был деятелем величайшей в истории человечества революции, он был разящим мечом восставшего и побеждающего пролетариата. Его ненавидела, боялась, не понимала буржуазия. Рабочий класс уважал и любил своего «железного Феликса». Но когда мы вчитываемся в те простые человеческие строки, которые последний заносил в свой дневник, сидя за непроницаемыми стенами царской тюрьмы, мы почувствуем величайшую нежность к этому кристальному человеку, вырвавшему из своей души все ростки личных радостей, оковавшему свое сердце сталью и отдавшему его целиком революции.

«*30 апреля*. Только две недели я оторван от мира, а кажется — целую вечность. Мысль работала, охватывала минувшее время, время

действий, и лихорадочно искала сущность жизни. На дне души моей тишина и какое-то непонятное спокойствие, не гармонирующее ни с этими стенами, ни с тем, что осталось вне этих стен... Я хочу по крайней мере здесь вести регулярную жизнь, дабы не отдать им своих сил. Я чувствую такой гигантский источник энергии, что, кажется, выдержу и вернусь. А если я не вернусь, то, может быть, дневник мой попадет в руки друзей, и будут они иметь меня, частицу меня и уверенность в том, что я был спокоен и призывал их в минуты тишины, скорби и радостных мыслей моих и что мне было хорошо, как только может быть хорошо одному здесь, в тишине, с мыслями о весне, о природе, о них, — а тишина временами такая, что увидеть и услышать можно мысли свои и дружескую улыбку...

«*2 мая.* Каждый день заковывают в кандалы все больше и больше людей. Когда привели меня в камеру, в которой я семь лет тому назад сидел, первый звук, который дошел до моих ушей, был кандальный звон. Он долетел из соседней камеры. Этот звон сопутствует каждому движению закованного. Холодное, бездушное железо, вечно жаждущее тепла, никогда не насыщенное и всегда напоминающее неволю!

Большинство на моем коридоре — закованные. Когда выходят на прогулку, вся тюремная тишина наполняется этим лязгом,

проникающим во все фибры души и властно заполняющим все существование. Они ходят со взором, устремленным в небо, на зеленеющие деревья, не замечая красоты, не слыша гимна жизни, не чувствуя лучей солнца. Их заковывают, ибо хотят отнять у них все, оставив только этот похоронный звон...

«*7 мая.* Теперь я с утра до ночи читаю и читаю беллетристику. Она меня поглощает на весь день, и по прочтении я хожу совершенно ошеломленный, словно наяву я вижу разные эпохи, людей, природу, царей и нищих, вершины могущества и силы и пропасти падения. С нетерпением отрываюсь от чтения, чтобы пообедать и поужинать, наскоро глотаю пищу и вновь слежу за событиями, за судьбой людей — чуть ли не с такой же страстностью, с какой недавно я вертелся в водовороте своего небольшого мирка, в водовороте мелких дел, одухотворенных великой мыслью, великим порывом...

«По временам, в ночной тишине, когда я лежу в кровати, мне мерещатся какое-то движение и звуки. Воображение локализирует[1] их, переносит за забор, куда ведут, чтобы заковывать в кандалы. В такие минуты я поднимаюсь, напрягаю слух, и чем больше вслушиваюсь, тем отчетливее слышу скрип рубанка, слышу, как таинственно пилят и

---

[1]) Сосредоточивает в одном месте.

стругают. Это готовят виселицу. Я ложусь, прячу голову под одеяло. Не помогает. Подозрение превращается в уверенность, что сегодня опять совершится казнь.

«13 мая. Только-что кончилась гроза. Теперь тихо. Луна сквозь туман равнодушно глядит, не слышно ни шагов часового, ни пения соседки, ни бряцания кандалов. Только время от времени капля дождя стукается о жестянку моего окна, и издали доносятся свистки паровоза. Грустно. Но это не грусть узника. И на воле иной раз овладевала мною грусть существования.

«14 мая. Больше недели сидит кто-то в камере надо мной. Не знаю, кто. Не стучит, не откликается. Я вызывал его стуком, но он не обращал на это внимания. Я бросил сапог в потолок, это тоже не подействовало. Сегодня там у него что-то происходило: он стучал, дверки то открывались, то закрывались, кто-то заходил к нему, уходил и вновь заходил. Затем все кончилось—и... опять тишина.

«Так живет, страдает и молчит каждая камера... По временам одна из камер зашевелится, и тогда жители всех камер настораживаются, прислушиваются, не начинается ли в этой камере подозрительная возня, не наступил ли момент, когда увозят на казнь. После этого некоторое время узники не могут притти в себя, вернуться к книгам, к мертвым буквам.

«*6 сентября*. Выводят на прогулку какую-то женщину с двумя детьми. Она осуждена на 12 лет поселения за то, что ее квартирант во время обыска убил солдата и сбежал вместе с ее мужем. Сегодня во время прогулки она отшлепала своего мальчика. Я увидел это в окно и хотел ей крикнуть... В тюрьме все принимает преувеличенные размеры... А мальчик, как ни в чем не бывало, продолжал шалить, бегал, гнался за курицами...

«*12 ноября*. Мне не миновать каторги. Выдержу ли я? Когда я начинаю думать, что мне придется провести столько дней в стенах тюрьмы, день за днем, час за часом, должно быть здесь, в X павильоне, мною овладевает испуг, из груди вырывается крик: «Не могу». И тем не менее, я смогу. Необходимо, чтобы я смог, смог так, как смогло столько других перенести гораздо большие муки. Мыслью я не могу понять, как это возможно, но я знаю, что это возможно, и во мне зреет решение: смочь, выдержать. А если не хватит сил, тогда смерть, смерть, освобождающая от чувства бессилия, смерть, решающая все. И я спокоен».

Таков был этот великолепный, целомудренный человек, любивший краски жизни и людей, для счастья этих людей отказавшийся от этих красок и считавший для себя единственно возможной только борьбу... борьбу или смерть, но не поражение. «Кто умел так

любить жизнь, сумеет умереть». И, как бы иллюстрируя это достойное борца отношение к смерти, Дзержинский заносит 31 декабря 1908 года в дневник:

«С тех пор, как я в последний раз заносил свои впечатления в дневник, здесь казнили 5 человек. Вчера между 4 и 6 часами их ввели в камеру № 29, находящуюся под нами. Ночью, около двенадцати или часу, их повели на казнь. Один из них громко молился и пел псалмы, другой насвистывал и напевал уличные песни»...

Судом Дзержинский был приговорен к пожизненной ссылке на поселение с лишением всех прав. 21 августа его из тюрьмы отправили в ссылку в Сибирь.

Но место борца — на поле битвы. Через 2 месяца Дзержинский бежит. Снова — Краков; снова — переезды границы и неустанная партийная работа.

В социал-демократии Польши и Литвы Дзержинский всегда занимал большевистскую позицию. С 1904 года он добивался об'единения с большевиками. Затем он играет руководящую роль в переговорах с русской социал-демократией. Ленин считал его своим единомышленником в социал-демократии Польши и Литвы. Дзержинский глубоко страдал от невозможности об'единения с большевиками из-за разногласий в польской социал-демократии.

В 1912 году Дзержинский снова арестован. Его приговаривают за побег с поселения к 3 годам каторги. В 1914 году его пересылают в Орловскую каторжную тюрьму. Здесь он отбывает каторгу. Затем его пересылают в Москву, судят и прибавляют еще 6 лет каторги. Но царизму не удалось вырвать эти 6 лет из жизни Дзержинского.

Революция его освободила в октябре 1905 года.

Революция же освободила его в феврале 1917 года.

На этот раз — навсегда.

Якобинец Октября

Тюрьма означала для Феликса Дзержинского насильственное лишение возможности бороться. Свобода означала борьбу. И теперь, оставив порог каторги, он снова в бою. На этот раз поле битвы шире, армия величественнее, пост ответственнее.

Февральская революция ставит Дзержинского в непосредственное соприкосновение с Лениным. Он энергичнее и горячей, чем кто бы то ни было, поддерживает ленинский лозунг — «Вся власть советам»! Теперь Феликс Дзержинский работает в самом сердце пролетарской революции, тогдашнем Петрограде. Он — член петроградского военно-революционного комитета, непосредственно руководит Октябрьским восстанием.

К власти пришел класс, который до сих пор только создавал ценности, но ими не пользовался. А все те, кто пользовался этими ценностями, все представители старого мира об'единились, затаились и приготовились отнять обратно блага, принадлежавшие им до Октябрьской революции. Буржуазия была побеждена, но еще не разбита. Молодая советская власть столкнулась с контрреволюцией и саботажем сразу же.

Офицеры и юнкера готовили и поднимали восстания. Интеллигенция встретила новую власть бешеным саботажем. Государственные служащие, инженеры, учителя открыто демонстрировали свое нежелание подчиниться пролетарской власти и отказывались работать. Так называемые социалистические партии не только стали в оппозиции к советской власти, но и повели организованную травлю ее, устраивая саботаж. Желтый союз железнодорожников, которым заправляли меньшевики и эсеры, угрожал железнодорожной забастовкой. Развернул свою хищническую работу спекулянт, пользующийся тяжелым положением молодой власти и разрухой, вызванной мрачными годами империалистической войны.

К Петрограду придвигались немецкие оккупационные войска.

Как могла выйти из этого положения новая власть? Только немедленно организовав

отпор наступающему врагу и беспощадно подавляя внутреннюю контрреволюцию.

Красная гвардия, ставшая потом Красной армией, занялась внешним врагом. Для внутренней контрреволюции, для саботажников и спекулянтов был создан орган, который отстоял завоевания рабочих и крестьян. Это была — Всероссийская чрезвычайная комиссия. ВЧК — этим трем буквам суждено было стать грозой для буржуазии и стражем революции.

Было далеко не все равно, кого поставить во главе ВЧК. Здесь нужен был человек, который мог бы исключительно ясно и четко понимать неизбежность красного террора революции, который мог бы беспощадно применять его, для которого революционная целесообразность была бы высшим законом, нужен был зоркий и неусыпный агент революции.

Когда в Совнаркоме зашла речь о таком человеке, Ленин сказал, что этот человек должен иметь в себе нечто якобинское. Как якобинцы, революционные представители Великой Французской революции, этот человек должен быть беспощадным карающим мечом пролетарской революции. И сейчас же было названо имя Феликса.

Он — знавший цену людским страданиям, он — вечный мученик царских тюрем, он — горячо любивший жизнь и человека, он — не

задумавшийся отдать свою жизнь за людское счастье, бесстрашный пролетарский якобинец, только он мог отчетливо сознавать необходимость уничтожения десятков и сотен для спасения миллионов.

Классовая борьба не знает пощады. Тот, кто проявит жалость к контрреволюционеру, явится предателем рабочих и крестьянских масс. Феликс Дзержинский знал это, и буржуазия не могла надеяться на пощаду.

Феликс Дзержинский назначается председателем Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности.

Что такое Чрезвычайная комиссия? Один из работников и вождей ВЧК, Лацис, дает следующее определение этой комиссии:

«Чрезвычайная комиссия — это не следственная комиссия, не суд. И не трибунал.

«Это — орган боевой, действующий по внутреннему фронту гражданской войны, пользующийся в своей борьбе приемами и следственных комиссий, и судов, и трибуналов, и военных сил.

«Он врага не судит, а разит. Не милует, а испепеляет всякого, кто с оружием в руках по ту сторону баррикад.

«Это — боевой орган советской власти, обеспечивающий возможность мирного строительства для миллионов рабочих и крестьянских масс, ставших у власти.

«Это — доспехи пролетариата, о кои ломаются копья контрреволюционеров и в коих застревают отравленные стрелы недоброжелателей.

«Это — боевой орган партии будущего, партии, прокладывающей дорогу к царству коммунизма через неимоверные затруднения и несущей перед мировым пролетариатом красное знамя коммунизма.

«Но это и не гильотина, отсекающая голову по постановлению трибунала.

«Нет, ВЧК или уничтожает без суда, застав на месте преступления, или изолирует об общества, заключая в концентрационный лагерь, или передает трибуналу, когда дело требует подробного исследования и широкой гласности.

«Она только устанавливает вредность или безвредность данного лица и степень этой вредности для советской власти и, сообразно этому, или уничтожает, или изолирует от общества, обезвреживая этим данное лицо и предупреждая возможное повторение активных действий против советской власти.

«При наличии гражданской войны, войны, ведущейся не на жизнь, а на смерть, в руках пролетариата такой орган необходим.

«Нам приходится строить царство будущего под постоянным страхом неприятельского нападения, под постоянным неприятельским обстрелом. Чрезвычайная комиссия

обеспечивает мирный труд для всех сторонников советской власти, стоя на страже внутри страны, оберегая ее от явных и тайных контрреволюционеров».

Этот беспощадный орган победоносной пролетарской революции был создан, укреплен и воспитан Феликсом Дзержинским.

Дзержинский, с его верными, железными соратниками-чекистами сумел обеспечить этим трем огненным буквам — ВЧК — ненависть и трепет буржуазии и доверие, уважение и любовь пролетариата не только советской страны, но и стран капитала.

Недаром одна итальянская песня пелась с припевом:

«Да здравствует коммунизм и ВЧК!».

Много сил положил Дзержинский для подбора людей в аппарат ВЧК. В таком органе должны были работать люди, исключительно твердые, идейно закаленные, безукоризненно честные и самоотверженные. Найти их было не так-то уж легко. Не всякий подходил для этого дела. Не всякий шел на это дело.

«Рассчитывать на беспартийную интеллигенцию не приходилось, — пишет Я. Петерс,— и даже коммунистов не всех, кого намечали, удавалось вовлечь в работу ВЧК. И среди партийных товарищей было еще много предрассудков, гражданская война еще не научила понимать логику борьбы между пролетариатом и буржуазией.

«Неприятно было итти на обыск и аресты, видеть слезы на допросах, особенно тем товарищам, которые сами еще недавно были на допросах у жандармов и полиции. Не все различали обстановку вчерашнего дня и сегодняшнего, не все усвоили, что вчера нас допрашивала охранка буржуазной власти, которая держала в рабстве трудящихся, а сегодня пролетариат освободил рабов, сегодня мы победили и, чтобы удержаться у власти, должны беспощадно бороться, не останавливаясь ни перед какими трудностями и не поддаваясь никакой сентиментальности, иначе нас разобьют, подавят, и мы снова станем рабами.

«И Дзержинскому немало приходилось уговаривать товарищей итти на работу в ВЧК».

Дзержинский создал этот аппарат, работающий четко и бесперебойно и работа в котором считалась почетной работой для революционера. Дзержинский внес в работу ВЧК не только свой организаторский талант, но и личный пример. Он сделал ВЧК тем, чем был он сам, — неутомимым, отважным, презирающим смерть, и работоспособным до предела орудием большевистской революции.

В первые месяцы существования ВЧК в ней работали и левые эсеры, записавшиеся в деятели революции, но своей политической бесхарактерностью и беспочвенностью только

тормозившие дело, делавшееся большевиками.

В июле 1918 года эти сомнительные попутчики пролетарской революции, подняли мятеж, и по поручению ЦК партии левых эсеров, ее член Блюмкин убил тогдашнего германского посла в Москве графа Мирбаха. Об этом мятеже и убийстве Ленин тогда сказал:

«Преступный террористический акт и мятеж совершенно и полностью открыли глаза широких масс на то, в какую бездну влечет народную, советскую Россию преступная тактика лево-эсеровских авантюристов. Нас провоцируют на войну с немцами, когда мы не можем и не хотим воевать».

За раскрытие убийства взялся тов. Дзержинский. Он отправляется в отряд Чрезвычайной комиссии, находящийся под руководством левого эсера Попова. Дзержинский приехал в сопровождении трех товарищей без вооруженного отряда.

Подозрение Дзержинского, что убийство — дело левых эсеров (в германском посольстве ему пред'явили подложные документы ЧК, оставленные убийцей), подтвердилось, и председатель ВЧК об'являет арестованными двух членов ЦК левых эсеров, Прошьяна и Карелина. Начальнику отряда Попову Дзержинский предлагает немедленно их выдать, угрожая в противном случае пустить

ему пулю в лоб. В своем докладе Совнаркому Дзержинский сообщает:

«Прошьян и Карелин тут же заявили, что они повинуются моему приказанию, но, вместо того, чтобы войти в мой автомобиль, они вошли в соседнюю комнату, где заседал ЦК, и вызвали Спиридонову, Саблина, Камкова, Черепанова, Александровича, Трутовского и начальника боевой дружины Фишмана и других; меня окружили со всех сторон матросы, вышел Саблин и приказал мне сдать оружие. Тогда я обратился к окружающим матросам и сказал, позволят ли они, чтобы какой-то господин разоружил меня, председателя ЧК, отрядом которого они состоят. Матросы заколебались. Тогда Сиблин привел 50 матросов из соседней комнаты и при помощи Прошьяна, который схватил меня за руки, я был обезоружен».

Арестованному Дзержинскому Карелин и Камков заявили:

— По постановлению ЦК партии левых с.-р., тов. Спиридонова сейчас же отправляется на заседание Всероссийского с'езда советов, чтобы выступить там с официальным докладом и сообщить, что партия постановила стереть с лица земли Мирбаха и что волею партии левых с.-р. русский народ освобожден от Мирбаха. Вы остаетесь здесь, как заложник. Вы будете служить нам гарантией безопасности тов. Спиридоновой.

Дзержинский отвечает:

— В таком случае, вам надо заранее нас расстрелять, потому что, если Спиридонову арестуют, мы первые потребуем, чтобы ее ни в коем случае не освобождали.

Часов в восемь в комнату, где находились члены комиссии, привели еще несколько арестованных: помощника народного комиссара внутренних дел Лациса и членов Чрезвычайной комиссии Бука, Дабола и Сейсуна.

Несмотря на то, что в руках левых эсеров были крупнейшие советские деятели, они чувствовали себя все же, довольно неуверенно. Они пытались оправдать перед арестованными свои действия. Караул вел себя по отношению к арестованным не так уж недоброжелательно, и начальник отряда Попов принужден был через каждые полчаса приходить и делать заявления о переходе на сторону левых эсеров новых частей. Эти заявления должны были подбадривать караульных.

Дзержинский и товарищи обращались к Попову и компании с явным презрением.

Во время одного прихода Попова Дзержинский, которому эти посещения надоели, насмешливо сказал ему:

— Дайте мне револьвер!

— Зачем?

— Я вам пущу пулю в лоб!

Попов возразил:

— А я не мог бы так застрелить другого человека.

Дзержинский крикнул:

— Трус! Уходите отсюда!

Попов ушел.

В тот же день этот мятеж кучки истерических интеллигентов был подавлен, и левые эсеры навсегда ушли из революции.

ЧК и чекисты

Первые месяцы пролетарской власти. Трудные и пламенные дни. Пролетариат переживает невзгоды, принесенные империалистической войной и сопротивлением старого мира. Рабочие живут впроголодь, но горячо и упорно отстаивают завоевания революции. Саботаж и спекуляция стремятся подорвать все усилия новой власти, создать государственную жизнь на новых основах. А из каждой подворотни высовывается голова контрреволюционной гадины.

Белогвардейские заговоры множатся. Обывательщина слушками, перешептываниями создает благоприятную для контрреволюции среду. Послы империалистических государств являются соединительным звеном между иностранной буржуазией, бежавшими от революции заводчиками и помещиками и внутренней офицерской белогвардейщиной. На окраинах формируются белогвардейские армии. Всюду заговоры и шпионаж.

В этой обстановке молодой рабочий класс, неопытный, без квалифицированной интеллигенции, должен был строить новый мир.

Но ведь в авангарде восставшего пролетариата шла коммунистическая партия, создавшая в числе других революционно-целесообразных средств и Чрезвычайную комиссию!

— В чем же была сила ЧК, состоявшей из людей, которые не имели опыта в преследовании, которые до революции сами были преследуемы, которые не учились следственному искусству? Сила была в том, что аппарат ЧК состоял из твердых большевиков и крепких пролетариев и что работа ЧК проводилась в атмосфере горячего сочувствия трудящихся и в тесной связи с рабочими массами. Этого не понимали белогвардейцы и капиталисты, удивлявшиеся, как это неграмотные рабочие раскрывают козни и происки многоопытных охранников.

Многие заговоры открывались благодаря случайностям. Но все же случайности были не случайны.

Молодая работница познакомилась с молодым человеком, который оказался офицером-белогвардейцем. В один из нежных моментов он проболтался о своих белогвардейских делах. Девушка насторожилась. Не зная, как сообщить в ЧК, работница рассказала, о чем следовало, кремлевским стрелкам-латы-

шам. Те сообщили в ЧК, и таким образом была раскрыта белогвардейская военная организация Савинкова.

Это как-будто бы случайность. Но вот еще одна такая «случайность»:

Один из ответственнейших военных работников, начальник штаба петроградской обороны, оказался агентом генерала Юденича, действовавшим по его указаниям.

Связь с Юденичем этот предатель поддерживал через какого-то старика-француза, перешедшего в русское гражданство.

Французу-шпиону помогает его дочь. Проходя по улице, дочь эта теряет какой-то сверток. Это случайно замечает красноармеец. Он поднимает и разворачивает сверток. Видит — какие-то чертежи. Красноармеец подозревает, что дело пахнет изменой, задерживает обладательницу свертка и препровождает ее в ЧК. В руки ЧК попадают нити юденического шпионажа. Заговорщики задержаны.

Арестованный француз, которому терять было нечего, на допросе заявил Дзержинскому:

— Вы меня поймали только благодаря случайности.

— Ошибаетесь, — ответил Дзержинский, — если бы масса нас не поддерживала, если бы каждый рабочий, каждый красноармеец не сознавал, что раскрытие заговора — это дело

не только ЧК, но всех трудящихся, тогда то обстоятельство, что ваша дочь уронила сверток, не привело бы к раскрытию заговора. Дочь ваша случайно уронила сверток, но красноармеец *не случайно* заинтересовался им, *не случайно* арестовал ее, *не случайно* обеспокоился. Именно в том, что это не случайно, — сила ЧК.

Массы понимали и сочувствовали чекистской работе, этой «черной», но неизбежной работе революции. Когда в 1918 году эсерка Каплан ранила Владимира Ильича, покушаясь на его убийство, вся страна рабочих и крестьян потребовала от ЧК развернутого красного террора. В ВЧК поступали телеграммы, требующие расстрела всех контрреволюционеров, от эсеров до белогвардейских генералов. На местах выносились постановления: в ответ на покушение — расстрелять столько-то контрреволюционеров. Эту классовую ярость масс ВЧК приходилось удерживать.

И теперь, когда славный наследник ВЧК, ОГПУ, вскрывает вредительские организации, оно получает целые горы приветствий. Могло ли и может ли мечтать о подобной популярности, хотя бы даже в более узких кругах, хоть одно охранное отделение, хоть одна диффензива?!

Сила ЧК была в том, что она выполняла задание истории, расчищая пролетариату путь к победе. Только лицемерная буржуазия

или узколобые сентиментальные ее прихвостни могли говорить о «кровожадности» ЧК.

Лучшим доказательством неизбежности ее мероприятий служит то, что за первую половину 1918 года, т.-е. за первое полугодие существования чрезвычайных комиссий, ими было расстреляно всего 22 человека.

И только тогда, когда действительность показала, что мягкое обращение с уходящими классами приводит к гибели миллионов, когда белогвардейские заговоры не собирались прекращаться, когда белый террор бешено вырос, когда буржуазия использовала все, чтобы попытаться удушить революцию, — только тогда ЧК обратилась к действительному орудию красного террора.

Когда же миновала надобность в чрезвычайных методах подавления, ВЧК сменилась, передав свой пост ГПУ.

В своей статье в ноябре 1923 года Феликс Дзержинский писал:

«Длинной шеренгой тянутся раскрытые заговоры и восстания. Зоркий глаз ВЧК проникал всюду. ВЧК была орудием диктатуры трудящихся. Пролетариат выделил для работы в ЧК лучших сынов своих. И неудивительно, что враги наши бешено ненавидели ЧК и чекистов. Их ненависть была вполне заслуженной. ВЧК может гордиться тем, что она была предметом неслыханной травли со стороны

буржуазии. ВЧК гордится своими героями и мучениками, погибшими в борьбе.

«Только доверие рабочих и крестьян дало силу ВЧК и затем ГПУ выполнить возложенную революцией на них задачу. Это доверие пришлось завоевывать долгой, упорной, самоотверженной, полной жертв борьбой»...

Феликс Дзержинский был первым и лучшим чекистом. Работал он без устали, вникая во все мелочи и детали дела. На его примере комиссары и следователи учились настоящей работе.

Сам Дзержинский был образцом корректности по отношению к врагам и выдержанности большевика и человека. Был случай, когда один из следователей ЧК, выведенный из терпения арестованным бандитом, ударил его. Дзержинский немедленно потребовал суда над следователем перед всеми сотрудниками ЧК. На суде Дзержинский сам выступил обвинителем и требовал для следователя самого сурового наказания.

Один ответственный работник ЧК задержал женщину, которая пришла за справками об арестованном брате. Узнав об этом, Дзержинский вызвал к себе виновника задержания и сделал ему строгий выговор. Женщина была освобождена и на автомобиле отвезена домой.

Дзержинский неоднократно указывал работникам ЧК, что ВЧК не мстит, а обезвре-

живает врагов. Он требовал от работников чрезвычайных комиссий высокой идейности, понимания того, что их работа служит интересам революции и, следовательно, интересам общества, в котором не будет насилия.

Мрачным палачом изображала Дзержинского буржуазия. Но те, кто знал и слыхал о нем, относились к нему иначе.

Одной из украинских чрезвычайных комиссий был приговорен к расстрелу человек, заподозренный в контрреволюционной деятельности. Этому человеку удалось бежать. Но он не скрылся, а явился в Москву, в ВЧК, к Дзержинскому и просил о пересмотре дела. Он был уверен, что Дзержинский не допустит расстрела невиновного.

Свои взгляды, свое отношение к врагу Дзержинский внушил всем работникам ЧК. Да и людей он подбирал соответствующих. Недаром чекистская гвардия состояла из испытанных революционных борцов, из людей глубоко идейных.

Не было в Феликсе Дзержинском слепой ненависти. Во враге он видел продукт определенных социальных отношений, и месть была чужда самой природе Дзержинского.

По природе своей люди не плохи. — Дзержинский любил людей. Но классовая природа человека не знает мягкости, добродушия.

Дзержинский, находивший какое-то оправдание мучившему его в тюрьме жандарму

(это видно из того же дневника), был беспощаден к жандармам мировой контрреволюции. Эта беспощадность шла не от глухой ненависти и слепого чувства мести, а от сознания неумолимости классовых столкновений.

Этого-то вот буржуазия и не в состоянии понять. Это в состоянии понять только тот, кто ведет классовую борьбу в целях уничтожения всяких классов. Лучше, чем кто бы то ни было, это понимают чекисты.

О работе чрезвычайных комиссий будет в свое время создана большая литература.

Работа чекистов требовала исключительной храбрости, находчивости, изобретательности. Эта работа, по заключающимся в ней моментам, часто превосходила самые выдающиеся места из приключенческой литературы. Но по-настоящему ее следует назвать тяжелой, сосредоточенной и опасной работой, работой, которой пролетариям до сих пор не приходилось заниматься.

Вот случай, описанный тем же Петерсом:

«По найденным паролям выявилась возможность послать из Москвы в Казань под видом белогвардейского офицера одного из наших комиссаров для того, чтобы при помощи найденного при обыске пароля войти прямо в белогвардейский штаб. Мы снарядили теперешнего полномочного представителя ГПУ в Сибири тов. Заковского. Но товарища Заковского с его толстой фигурой

и непослушными волосами никак нельзя было пригладить под офицера; все-таки ,его снарядили и послали. И он блестяще выполнил роль, войдя непосредственно в штаб белогвардейцев. Последние, впрочем, быстро познали, что имеют дело не с офицером, но все-таки, при самой невыгодной для себя обстановке, тов. Заковский успел арестовать весь штаб и раскрыть организацию из нескольких сот человек».

Подобные случаи, когда пролетарии, не прошедшие школы светского обращения, великолепно проводили врага, в истории чрезвычайных комиссий многочисленны. Несомненно, для этой работы требовались незаурядные способности. Недаром агенты буржуазии не только ненавидели «чрезвычайку», но и боялись ее вездесущего и всевидящего ока.

В своей работе чекисты равнялись на Феликса Дзержинского. Свидетель его работы в ЧК Я. Петерс пишет:

«Кто не помнит Лубянку № 11, здание бывшего страхового общества? В этом здании, в самой скромной маленькой комнате не больше 2 квадратных сажен, в первые годы революции проходила жизнь тов. Дзержинского. В этой комнате он работал, здесь он спал, здесь же принимал посетителей.

«Простой американский письменный стол, старая ширма, за ширмой узкая железная

кровать — вот в этой комнате проходила личная жизнь тов. Дзержинского. Домой к семье он ездил по большим праздникам.

«Работал он круглые сутки, часто сам допрашивал арестованных, усталый до последней степени, и тем не менее всегда оставался примером выдержанности и корректности по отношению к своим врагам.

«В обстановке полуголодной жизни для сотрудников ВЧК немало было соблазнов. На обысках в квартирах буржуазии сотрудники каждый день находили золото, бриллианты, и тем не менее случаев присвоения почти не было. Это об'ясняется как честностью работников, так и примером самого Феликса Эдмундовича.

«В больших охотничьих сапогах, в старой изношенной гимнастерке, он ел с того же скудного стола, с которого ели все сотрудники, и подавал пример сотрудникам, как жить в это тяжелое время».

История возложила на его тяжелую ношу

В статье, посвященной смерти Дзержинского, даже в польской фашистской газетке «Глос правды» говорилось:

«В результате переворотов, власть получают Дзержинские или великие предки Дзержинского — Робеспьер, Сен-Жюст и им подобные, которых ни золото всех тиранов мира, ни советы друзей, ни человеческие соображения не могут отклонить от предначер-

танной цели, чего бы достижение этой цели ни стоило».

Даже смешно в применении к Дзержинскому говорить о соблазнах, о почестях и так далее. Человек этот делал только лишь то, что он считал необходимым для дела. Он считал, что самые трудные участки предназначены для него.

Р. Эйдеман вспоминает о днях борьбы на южном фронте в 1920 г.:

«Как-то, кажется в конце мая, я вызываюсь в реввоенсовет фронта.

— Вы сдаете должность начальника тыла? (ответственная должность в момент прифронтового политического бандитизма) и назначаетесь в армию.

«— Кому сдавать должность?

«— Тов. Дзержинскому».

«Признаюсь, — продолжает Эйдеман, — я не совсем этому поверил. Как-то не укладывалось в сознании: Дзержинский, член ЦК, председатель ВЧК, и вдруг — начальник тыла южного фронта, подчиненный командованию и реввоенсовету! Сомнения, однако, рассеялись, когда я приступил к сдаче своей должности. Оказалось, что тов. Дзержинский сам вызвался на эту работу, когда стал вопрос о подыскании кандидата на должность нач-тыла».

В это время Феликс Дзержинский был известен не только во всей стране. Говор о

нем прошел по всему миру. Буржуазия превратила имя Дзержинского в пугало, Таким представляла она Дзержинского тем, кто не хотел или не мог знать правды о нем.

Во время польско-советской войны, когда в ответ на панское нападение Красная армия двинулась на Варшаву, Дзержинский, старый борец польского рабочего класса, отправился на фронт в числе других членов польского революционного комитета.

И. Степанов, ездивший с польским ревкомом на фронт, приводит любопытный случай:

«На ночь мы остановились у местного ксендза.

«Ксендз узнал, что перед ним — польские коммунисты, являющиеся в то же время и русскими большевиками. Он заявил, что впервые встречается с ними, и постарался использовать встречу.

«Оставшись наедине со мною, присутствовавшим в качестве безмолвного слушателя, ксендз рассыпался в похвалах своим польским гостям. Какая образованность, какие знания, как они интересны и милы! Он никогда не думал, что большевики таковы.

«Перед отъездом тов. Мархлевский представился сам, как председатель Польского ревкома и представил товарищей Кона и Дзержинского, как членов ревкома. Получился редкостный сюжет для кинематографа.

Бритое лицо нашего хозяина стало так выразительно, что ему могли бы позавидовать многие актеры, наигрывающие киноленты. Как, это тот самый Дзержинский? Это тот самый, о котором так много писали газеты, да и теперь пишут, говоря о составе ревкома? — «Да, да, — с веселой улыбкой подхватывает Дзержинский, — они говорят обо мне, как о «червонном кате» («красном палаче»). — «Никогда бы я не поверил — изумленно говорит ксендз, — что вы таковы!»

Когда Красная армия потерпела поражение под Варшавой и стала отступать, Дзержинский, которому угрожала наибольшая опасность, отступал одним из последних. Диктаторской силой своих слов, своего влияния он отвел угрозу паники в рядах красноармейцев. Его слово было законом. Он сам наблюдал за отступлением каждого отряда и руководил отправкой раненых.

История заставила этого чуткого к людским страданиям человека взвалить на себя груз жестокой классовой борьбы, сделала его разящим мечом революции, поставила его на самую черную и самую ответственную работу революции. Это нелегко. Но Феликс Дзержинский никогда не отказывался от тяжелой работы.

Карл Радек писал о нем:

«Он не любил говорить о том, что происходит в его душе в бессонные ночи, но

время от времени у него прорывались слова, показывающие, как нелегко ему было. Когда мы собирались в 1920 году, во время борьбы с белой Польшей, на фронт, надеясь на победу, надеясь на то, что поможем польским рабочим в скором времени построить свою власть, освободиться от буржуазии, — Дзержинский говорил мне:

«— Когда победим, я возьму Наркомпрос.

«Товарищи, бывшие при этом разговоре, засмеялись. Дзержинский с'ежился»...

Разрушение, насилие было для него только средством, а самое существо Дзержинского — это была глубочайшая тоска по строительству новой жизни. О нем, этом строительстве, он много говорил, но говорил он просто и без всякой показной красивости. В конце-концов не нужно забывать, что революция была его стихией!

На труднейших участках строительства

И все же революция приобщила Дзержинского к строительству, дала ему возможность не только разрушать и подавлять старое, но и творить новое. Правда, до конца дней своих он не выпускает из рук оружия ВЧК, оставаясь до самой смерти председателем ОГПУ, но эта последняя полоса в жизни Дзержинского была полосой строительства по преимуществу.

Отгремели фронты гражданской войны. Партия переводит страну на новую экономическую политику. Вырисовывались очертания хозяйственного восстановления после бурных годов разрухи и развала. 14 апреля 1921 года Феликс Дзержинский назначается народным комиссаром путей сообщения.

Это было не просто назначение на видный пост. К началу нэпа [1]) транспорт представлял собой наиболее уязвленный империалистической и гражданской войнами пункт. Разруха прежде всего сказалась на стальных артериях железной дороги. Сеть была прервана в тысячах участков. Взорванные мосты, разрушенный путь, паровозные и вагонные кладбища, сгоревшие здания, разбитое оборудование — вот что представлял собой железнодорожный транспорт к приходу Дзержинского. А транспорт — это первейшее условие всей экономической жизни.

Нет, не высокий пост, а труднейший участок, как всегда, был предоставлен Дзержинскому.

И здесь он показал огромную силу воли и огромные же творческие таланты, заложенные в нем.

Людской аппарат транспорта находился в то время в тисках дореволюционного бюрократизма, помноженного на бессистемность

---

[1]) Нэп — сокращенное название новой экономической политики.

первых лет гражданской войны. Предстояло вытянуть и об'единить живые силы транспортных специалистов. Но те меньше всего думали, что грозный председатель ВЧК способен на такое дело. Дзержинский вступил в обязанности наркома при далеко не благоприятных обстоятельствах. Особенный вес, поэтому, приобретают слова инженера О. Дрейера, посвященные памяти Дзержинского.

«С ним легко было работать, и в частности автор этих строк, которому приходилось встречаться с ним по служебным делам довольно часто, за время совместной службы не слыхал от него ни одного резкого слова или упрека. У праха покойного сказать правду — это обязанность каждого; поэтому я смело скажу, что при первом появлении т. Дзержинского специалисты-транспортники были сильно подавлены в ожидании нажима, но все эти мрачные ожидания быстро рассеялись и заменились небывалой до той поры уверенностью и спокойствием, как только все поняли, что заботливое отношение к вверенному нам огромному хозяйству и успешная работа на транспорте всегда найдут поддержку и правильную оценку со стороны Дзержинского. Умный и твердый начальник, он вернул нам веру в наши силы и любовь к родному делу».

Здесь на транспорте, как и везде, Дзержинский был прежде всего большевиком. Он не

превратился в транспортного патриота. Основное в его работе было то, что он рассматривал транспорт с общегосударственной точки зрения. Он признавал транспорт только в общей связи с промышленностью. Но он вникал во все вопросы транспорта и делал это, добросовестно учась. Дзержинский как-то сказал:

— Нам прежде всего надо учиться управлять, надо охватывать хозяйство, а затем вести его по пути улучшения. Я сам первый год своей работы на транспорте прежде всего учился.

Еще одно характерно для Дзержинского на транспорте, как вообще оно характерно для всей деятельности Феликса Дзержинского. Это — его упор на массы. Важнейшую кампанию, борьбу с раз'едавшим транспорт взяточничеством и хищничеством, он провел с помощью здоровой части железнодорожного пролетариата.

Здесь, как и везде и во всем, он склонен был винить не только человека, но и систему. И это заставляло людей, столкнувшихся с Дзержинским, полюбить его на всю жизнь.

В один тяжелый момент отсутствия топлива, когда работа всего хозяйства зависела от «всероссийской кочегарки», Донбасса, Дзержинский выехал на линию. Надо было

протолкнуть крепежный лес для донецких шахт, который застрял где-то в пути.

Лес застрял на узловой станции, при чем выяснилось, что несколько вагонов его растаскано.

Начальник станции выгораживал себя и оправдывался тем, что проезжавшие демобилизованные, не найдя на станции топлива, растаскали для этой цели крепежный лес. Начальник мог бы отдать на топливо один вагон леса и этим спасти весь состав. Но он не сделал этого, оправдываясь тем, что у него на это не было приказа.

Приехавший Дзержинский вызвал к себе начальника станции. Трепещущий начальник явился. Он знал, что с председателем ВЧК разговор будет нешуточный. Волнение начальника станции передалось и сопровождавшим Дзержинского.

Через короткое время из вагона Дзержинского вышли оба: Дзержинский улыбался, начальник станции радостно и восхищенно поглядывал на Дзержинского. Когда начальник станции ушел, на удивленные вопросы окружающих, Дзержинский со скорбной улыбкой ответил:

— Забитый народ! Забивали в них мысль, всякую инициативу, малейшее проявление самодеятельности. И превратили в бездушные машины... Злостности не было. Теперь

он уже понял, в чем дело. Мысль проснулась. Человек, видно, хороший...

На следующий день лес был на пути в Донбасс.

В дни польско-советской войны Дзержинский, беседуя с товарищами, сказал, что, в случае победы революции в Польше, он взял бы Наркомпрос. Это, очевидно, было его тайной мечтой. Его стремлениям соответствовала переделка умов и сердец людей, а не физическое воздействие на них. Да, Наркомпрос — это было бы очень хорошо; но на этом историческом этапе Наркомпрос — еще не самое важное и не самое трудное. Поэтому Дзержинский не в Наркомпросе.

Но, возглавляя ВЧК и Наркомпуть, он ищет хоть какую-нибудь тропинку к просвещенческому делу. Здесь — первое и главное внимание детям.

В 1922 году, когда волны детской беспризорности, порожденной империалистической войной, интервенцией и голодом, захлестывали советскую страну, Дзержинский посещает наркома просвещения Луначарского. Он так изложил цели своего посещения:

«Я хочу бросить некоторую часть моих личных сил, а главное сил ВЧК, на борьбу с детской беспризорностью. Я пришел к этому выводу, исходя из двух соображений. Во-первых, это же ужасное бедствие! Ведь, когда смотришь на детей, так не можешь не

думать — все для них! Плоды революции — не нам, а им. А между тем, сколько их искалечено борьбой и нуждой! Тут надо прямо-таки броситься на помощь, как если бы мы видели утопающих детей. Одному Наркомпросу справиться не под силу. Нужна широкая помощь всей советской общественности. Нужно создать при ВЦИК широкую комиссию, куда вошли бы все ведомства и все организации, могущие быть полезными в этом деле. Я уже говорил кое с кем; я хотел бы стать сам во главе этой комиссии; я хочу реально включить в работу аппарат ВЧК».

«К этому, — закончил Дзержинский, — меня побуждает второе соображение: я думаю, что наш аппарат — один из наиболее четко работающих. Его разветвления есть повсюду. С ним считаются. Его побаиваются. А между тем, даже в таком деле, как спасение и снабжение детей, встречается и халатность и даже хищничество. Мы все более переходим к мирному строительству, и я думаю: отчего не использовать наш боевой аппарат для борьбы с такой бедой, как беспризорность?»

Слова Дзержинского не остались словами. Известно, какую большую роль сыграло ОГПУ в ликвидации детской беспризорности. Суровые чекисты оказались отличными педагогами для этой отверженной детворы. Трудовые коммуны, создаваемые чекистами, были

образцом любовного отношения к делу, человеколюбия и высокого доверия к ребенку. Это доверие и явилось причиной того непостижимого для многих явления, что взятые с улицы ребята не воровали, не убегали, крепко держались за данное слово и выходили хорошими, здоровыми людьми. Об этом кое-что в литературе имеется.

Работа Дзержинского на транспорте была преддверием к едва ли не более ответственной и трудной работе.

В 1924 году Феликс Дзержинский стоит во главе Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ), являясь в то же время председателем ОГПУ. Здесь, где поле деятельности расширилось еще больше, он проявил во всей законченности свои качества борца, организатора и вождя.

Его работа имела колоссальное значение и дала громадные результаты.

Руководя ВСНХ, Феликс Дзержинский, как и всегда, как и во всем, оставался верным последователем Ленина. Основное в работе Дзержинского может быть формулировано словами одной его служебной записки:

«Задачи, стоящие перед нами, могут быть успешно разрешены лишь при одном условии: если эти задачи станут задачами самых широких пролетарских масс».

Дзержинский, как и Ленин, твердо отстаивал необходимость развития крупной про-

мышленности и ее расширение. Так же страстно боролся он за повышение производительности труда, воплощая слова Ленина: «Производительность труда — это в последнем счете самое важное, самое главное для победы нового общественного строя».

Дзержинский был инициатором проведения режима экономии. Исключительное значение придавал он производственным совещаниям. Был он, наконец, непримиримым врагом бюрократизма. Он ненавидел формалистику, волокиту, паразитизм, любил живое дело. Он первый подавал пример живой работы и требовал этого от других. Он требовал единоначалия, умения работать и нести ответственность за свою работу.

В представлении всех знавших его, Феликс Дзержинский всегда связан с этой живой, страстной работой. И это представление неотделимо от него до последнего его вздоха. Конец Феликса Дзержинского кажется сам собой разумеющимся. Только так и мог умереть этот все свои дни горевший человек, не умереть, а погаснуть, вспыхнув в последний раз ярким пламенем.

Конец

20 июля 1926 года он произносил на пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) свою последнюю речь. Эта была речь по вопросам народного

хозяйства, горящая речь, где каждая цифра казалась раскаленной. С великой страстностью обрушивался Феликс на троцкистов, подрывающих линию партии и ее единство.

«Вот, как живой, стоит на трибуне. Сухой, энергичный, весь точно натянутая струна. Его речь — не речь, а крик ума и сердца, крик бешеной воли и творческой страсти. Каждая цифра звенит этой страстью. Каждое слово, точно спущенная с тетивы острая стрела, вонзается в головы товарищей.

«Все чувствуют: вот человек, который отдается делу весь, целиком. Его самого для него нет. Он не смотрится в историческое зеркало, как, вероятно, редко смотрелся он и в простое зеркало. Он растворился в работе. И эта работа, ее нужды, ее болячки, ее язвы, ее трудности кричат таким разящим криком, убеждают, зовут на помощь, опровергают, требуют...

«Странный румянец играет на щеках, то вдруг вспыхивая, то исчезая. Лихорадочно блестят глаза, горящие внутренним огнем и в то же время такие больные. Горячая речь, горячая жестикуляция, могучий напор воли... Но смотрите: что это с ним? Руки как-то судорожно хватаются за сердце, точно хотят вырвать сосущую боль. Вдруг голос, так страстно, почти экзальтированно звучащий, внезапно спадает почти до полушопота.

Капельки пота ползут по лбу, спускаются струйками вниз.

«Но ведь так бывает с ним всегда! — успокаиваешь себя, с мучительной тревогой глядя на любимого, верного товарища. А внутренний голос зловеще говорит: «Обреченный, обреченный!». И жестокая боль щемит сердце».

Так запечатлелось это последнее выступление Феликса в памяти одного из участников пленума.

В этой же последней своей речи, обращаясь к Л. Каменеву, Феликс сказал:

— Вы занимаетесь политиканством, а не работой. А вы знаете отлично — моя сила заключается в чем? Я не щажу себя, тов. Каменев, никогда (голос с мест: правильно!). И поэтому вы здесь все меня любите, потому вы мне верите. Я никогда не кривлю своей душой; если я вижу, что у нас непорядки, я со всей силой обрушиваюсь на них...

Уже на пленуме стало ему плохо.

Смерть, давшая ему закончить речь, настигла его, когда его привели домой.

***

За 9 лет революции Феликс Дзержинский ни разу не был ни в театре, ни в кинематографе, если не считать просмотра фильма о похоронах Ленина.

Он, отбывавший каторгу в Москве, живший затем в центре ее и наводивший отсюда трепет на буржуазию всего мира, не знал этого города. Он видел город только из окна автомобиля, по дороге с одной работы на другую.

**
*

О Феликсе Дзержинском у нас нет книг, нет написанных о нем симфоний.

Писатели и композиторы не знают, что он был — сама революция.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Недоумение буржуазной газеты	5
Большой человеческий документ	6
За верой следуют дела	9
Тюрьма и борьба. Борьба и тюрьма	17
Думы человека за решеткой	24
Якобинец Октября	30
ЧК и чекисты	40
История возложила на него тяжелую ношу	49
На труднейших участках строительства	53
Конец	61

Цена 20 коп.

2400 6

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ:

1) Правлению издательства политкаторжан—
Москва, ГСП—10, Лопухинский пер., 5; тел. 3-64-73

2) Магазину издательства политкаторжан „Маяк"—
Москва, центр, Петровка, 7; тел. 4-18-12 и 3-63-20